

ПОВЕЛИТЕЛЬ МУХ

1954, выдержки Дятловых от 17.11.2020, 1–4/104=96%

1. и опять поверх ветра, и крика, и поверх ослабевших лучей гору опутали чары, и тот же опять ее поволакивал странный, неприметный глазу свет дружбы, совместности и приключений.
2. Ральф совершенно верно говорит. Нам нужны правила, и мы должны им подчиняться. Мы не дикари какие-нибудь. Мы англичане. А англичане всегда и везде лучше всех. Значит, надо вести себя как следует.
3. — Собrania. Очень уж мы их любим. Каждый день. Хоть по два раза в день. Все болтаем. — Он оперся на локоть. — Вот сейчас протрублю в рог, и увидишь — примчатся как миленькие. И все честь честью, кто-то скажет — давайте построим самолет, или подводную лодку, или телевизор. А после собрания пять минут поработают и разбегутся или охотиться пойдут.
4. Если б не призывок скрываемой ярости, предложение могло показаться невинным:
5. Он запнулся. Оба перебарывали гнев. И Ральф углубился в другую, безопасную тему:
6. — Просто я понимаю, каково им по ночам. Ясно? Ну и все.
7. Но Ральфа от негодованья уже понесло: — Я же тебе про дым! Да ты что-о? Не хочешь, чтоб тебя спасали? Заладил — свиньи, свиньи, свиньи! — Нам мясо нужно! — Я весь день работаю, и со мной никого, только Саймон, а ты приходишь и даже не замечаешь, чего мы понастроили! — Я тоже не загорал. — Тебе это одно удовольствие! — кричал Ральф. — Ты любишь охотиться! А вот я...
8. Оба стояли на ярком берегу, ошарашенные этим взрывом чувств.
9. Ему хотелось объяснить, как все всегда оказываются не такими, как от них ждешь.
10. Они шагали рядом — два мира чувств и понятий, неспособные общаться. — Эх, мне бы застукать свинью! — Выкупаюсь и сразу за шалаш возьмусь. Они посмотрели друг на друга с изумленьем, любовью и ненавистью. Понадобились соленые брызги бухты, крики, барахтанье и смех, чтобы снова и их объединить.
11. в переполненной жизни надежда была не нужна, и про нее забывали.
12. Слепящее море вздымалось, слоилось на пласты сущей немислимости;
13. В мыслях невнятно пробивалось подобие извиненья.
14. Замирая от счастья, он наслаждался господством над живыми тварями. Он с ними разговаривал, он приказывал, понукал.
15. Пальмы росли на намывной полосе, и многие поколения пальм повытягивали из почвы камешки, прежде лежавшие в песке другого берега. Роджер нагнулся, поднял камешек и запустил в Генри, но так, чтобы промахнуться. Камень символом сместившегося времени просвистел в пяти ярдах от Генри и бухнул в воду. Роджер набрал горстку камешков и стал швырять. Но вокруг Генри оставалось пространство ярдов в десять диаметром, куда Роджер не дерзал метить. Здесь, невидимый, но строгий, витал запрет прежней жизни. Ребенка на корточках осеяла защита родителей, школы, полицейских, закона. Роджера удерживала за руку цивилизация, которая знать о нем не знала и рушилась.
16. Старшие не сговариваясь сошлись на том, что Хрюша чужак, не только из-за акцента и ошибок, ошибки-то бы еще куда ни шло, но из-за пуза, астмы, стекляшек и известного отвращенья к физическому труду.
17. Джек огляделся, ища сочувствия, но встретил одну почтительность.
18. Наконец молчанье нарушил Морис. Он обратился к единственной теме, которая могла объединить всех: — А вы ее где нашли?
19. Ральф смотрел на них, ему было и завидно, и противно.
20. Он запутался в мыслях, неясных оттого, что ему не хватало слов, чтобы выразить их.
21. Если лицо совершенно меняется от того, сверху ли или снизу его осветить, — чего же стоит лицо? И чего все вообще тогда стоит?

22. Когда ты главный, тебе приходится думать и надо быть мудрым, в этом вся беда. То и дело надо принимать быстрые решения. И тут поневоле будешь думать, потому что мысли — вещь ценная, от них много проку.
23. «Только вот, — решил Ральф, глядя на место главного, — думать-то я не умею. Не то что Хрюша».
24. Ставши специалистом по части мыслей, Ральф теперь-то уж понимал, кто умеет думать, кто нет.
25. Он по опыту знал, что подобные важные утверждения, чтобы они дошли до всех, надо повторить хотя бы дважды.
26. Собраний у нас хватает. Всем нравится говорить, собираться. Всякие решения принимать. Но мы ничего не выполняем. Вот решили носить воду из реки в кокосовых скорлупах, накрывать ее свежими листьями. Ну, и сперва так и было. Теперь воды нет. Скорлупы сухие. Все на реку ходят пить.
27. Вот что я хотел сказать. Ну и сказал. Вы сами меня выбрали. И должны меня слушаться.
28. И других малышей проняло. Каждый вспомнил о своем горе; а возможно, они осознали свое соучастие в горе вселенском. Они расплакались, и двое почти так же громко, как Персиваль.
29. — Может, — решился он наконец, — может, зверь этот и есть
30. — Может, мы сами, ну...
31. — Что самое нечистое на свете?
32. — Правила! — крикнул Ральф. — Ты нарушаешь правила! — Ну и что? Ральф взял себя в руки. — А то, что, кроме правил, у нас ничего нет. Но Джек уже орал ему в лицо: — Катись ты со своими правилами! Мы сильные! Мы охотники! Если зверь этот есть, мы его выследим! Зажмем в кольцо и будем бить, бить, бить!
33. — Предположим, я протрублю в рог, а они не придут. Тогда — все. Мы не сможем поддерживать костер. Станем как звери. И нас никогда не спасут. — А не протрубишь — все равно мы станем как звери. Мне не видать, чего они там делают, но зато мне слышать.
34. — Если б они могли нам хоть что-то прислать! — в отчаянии крикнул Ральф. — Хоть бы что-нибудь взрослое... хоть сигнал бы подали...
35. Шумно шурша шершавой листвой
36. А сам Ральф, радуясь тому, что на время избавился от ответственности, замыкал шествие.
37. И опять его взяла злость, она выручила его, подхлестнула, придала духу, он перешел в атаку:
38. Вдруг он понял, что привык ко всему этому, притерпелся, и у него екнуло сердце.
39. Там, на другой стороне, за кисеей миражей, за надежным щитом лагуны, еще можно мечтать о спасении; но здесь, лицом к лицу с тупым безразличием вод, от всего на мили и мили вдали, ты отрезан, пропал, обречен, ты...
40. Он грелся в лучах вновь завоеванной славы. Выяснилось, что охота, в конце концов, даже очень приятное дело.
41. И снова в центре внимания оказался Джек.
42. Ральф тоже пробивался поближе — заполучить, ухватить, потрогать беззащитного, темного, он не мог совладать с желанием ударить, ранить.
43. — Нет, уж лучше пускай настоящая. — Роберт все еще гладил свой зад. — Ее же убить надо. — Можно малыша использовать, — сказал Джек, и все захохотали.
44. Ральф теперь уже не стеснялся думать при всех, он теперь разрабатывал решения, как будто играл в шахматы. Только не силен он был в шахматах, вот что плохо.
45. Ральф вздохнул, ощущая враждебность Джека, понимая, что она от того, что Джек снова не главный.
46. Тут покраснел уже Ральф и сказал — безнадежно, вспомнив уроки Хрюши: — И за что только ты меня ненавидишь?
47. Ральф уловил насмешку. Он ненавидел Джека. Зола щипала ему глаза, он боялся, устал. Его взорвало: — Пожалуйста! Иди! Мы тут подождем.
48. — А ты скажи, что я трус, — попробуй. — Джек повернулся к охотникам: — Он не охотник. Разве он добывал нам мясо? Он не староста, мы про него вообще ничего не знаем. Только и умеет приказы отдавать, а люди, видите ли, должны ему подчиняться. Вся эта болтовня...

49. — Кто считает, что Ральф недостойн быть главным? Он с надеждой обвел всех глазами. Они замерли. Под пальмами стояло мертвое молчанье.
50. Голос сорвался. Рог заплясал в руках. Джек откашлялся и сказал громко: — Ну что ж, ладно. Очень осторожно он положил рог на траву у своих ног. Из обоих глаз выкатилось по постыдной слезинке. — Я с вами больше не вожусь. Все.
51. Все гениальное просто. Обретя цель, за работу взялись со страстью. Хрюша так ликовал, так наслаждался освобождением от Джека, так гордился своим вкладом в общее дело, что помог таскать топливо.
52. — Надо новый список составить, кому когда дежурить у костра. — Да, если ты кого сыщешь. Ральф огляделся. И тут он впервые заметил, как мало осталось старших, и понял, отчего последняя работа показалась такой трудной.
53. Прикрытые глаза были заволочены безмерным цинизмом взрослой жизни. Они убеждали Саймона, что все омерзительно.
54. — Голова — для зверя. Это — дар.
55. Черные, радужно-зеленые, несчетные; а прямо против Саймона ухмылялся насаженный на кол Повелитель мух. Наконец Саймон не выдержал и посмотрел; увидел белые зубы, кровь, мутные глаза — и уже не смог отвести взгляда от этих издревле неотвратимо узнающих глаз. В правом виске у Саймона больно застучало.
56. Ральф подумал и понял. Он лишней раз убедился, что совершенно не умеет рассуждать взрослому, и печально вздохнул. Этот остров все меньше ему нравился.
57. — Мы не можем поддерживать костер. А им все равно. И даже... — он заглянул в потное Хрюшино лицо, — даже мне иногда все равно. Ну вот возьму я и на все плюну. Что же с нами тогда будет?
58. — Да нет... я вообще... почему у нас все так плохо? Хрюша долго тер очки и думал. Когда он понял всю степень доверия Ральфа, он вспыхнул от гордости. — Не знаю, Ральф. Наверно, он виноват. — Джек? — Джек. — Вокруг этого слова уже тоже витало табу. Ральф веско кивнул. — Да, — сказал он, — возможно, все из-за него.
59. Мальчики посмотрели на рог с нежной почтительностью. Хрюша положил его на руки Ральфу, и малыши, видя привычный символ, заспешили обратно.
60. — Костер — это главное. Без костра нас не могут спасти. Я и сам бы с удовольствием размалевался и стал дикарем. Но нам надо поддерживать костер. Костер — самое главное на острове, потому что, потому что... Снова он умолк, и в наставшей тишине было теперь недоуменье, сомненье. Хрюша шепнул с нажимом: — Без костра нас не спасут. — Ах да. Без костра нас не спасут. Так что надо следить за костром и чтобы все время был дым. Он умолк, и никто не сказал ни слова. После множества пламенных речей, произнесенных на этом самом месте, выступление Ральфа даже малышам показалось неубедительным.
61. Саймон вздрогнул. — Никто тебе не поможет. Только я. А я — Зверь. Губы Саймона с трудом вытолкнули вслух: — Свиная голова на палке. — И вы вообразили, будто меня можно выследить, убить? — сказала голова. Несколько мгновений лес и все другие смутно угадываемые места в ответ сотрясались от мерзкого хохота. — Но ты же знал, правда? Что я — часть тебя самого? Неотделимая часть! Что это из-за меня ничего у вас не вышло? Что все получилось из-за меня?
62. — Я не перепугался, — медленно выговорил Ральф. — Я... я даже не знаю, что со мной было.
63. — Он пришел под чужой личиной. И может явиться опять, хоть мы оставили ему голову от нашей добычи. Так что смотрите в оба. Будьте начеку.
64. — Нет, я совсем устал. Да и какой смысл? — Эрик! — выкрикнул Ральф. — Ты не смей так говорить! Сэм встал на колени с Эриком рядом: — Точно. Ну какой, какой смысл?
65. Ральф беспокойно завертелся под листьями. В Дартмуре вообще дико, вот и дикие пони. Дикость его больше не привлекала. Мечты повернулись к обузданной прирученности города, где нет места дикарству.
66. Ясно, отчетливо и в двух шагах от шалаша хрустнул сучок. Снова кровь загремела в ушах у Ральфа, в мозгу замелькали смутные, смешанные образы. Их совокупность осаждала шалаш.

- Хрюшина голова ткнулась ему в плечо, рука стиснула его руку. — Ральф! Ральф! — Тихо ты. Слушай. Ральф взмолился в отчаянье, чтобы зверь предпочел малышей.
67. — Я пойду к нему с рогом в руках. Я подниму рог. Я скажу ему — так, мол, и так, скажу, ты, конечно, сильнее меня, у тебя нету астмы. И ты видишь прекрасно, скажу, ты обоими глазами видишь. Но я у тебя не прошу мои очки, я у тебя их не клянчу. И я не стану тебя упрашивать, мол, будь человеком. Потому что не важно, сильный ты или нет, а честность есть честность. Так что отдавай мне мои очки, скажу, ты обязан отдать!
68. В теле Роджера уже бил темный источник силы.
69. Дикари уже не хихикали, они выли от смеха.
70. — Я говорю! Ты сам голосовал за меня! Ты разве не слышал, как я трубил в рог? Постыдись! Это подлость! Мы б тебе дали огня, если б ты попросил...
71. Кровь ударила ему в лицо, и ужасно дергало вспухшее веко.
72. Снова задрожал серебряный смех.
73. Сама цивилизация взывала возмущенными голосами Эрикисэма:
74. Камень прошелся по Хрюше с головы до колен; рог разлетелся на тысячу белых осколков и перестал существовать. Хрюша без слова, без звука полетел боком с обрыва, переворачиваясь на лету. Камень дважды подпрыгнул и скрылся в лесу. Хрюша пролетел сорок футов и упал спиной на ту самую красную квадратную глыбу в море. Голова раскроилась, и содержимое вывалилось и стало красным. Руки и ноги Хрюши немного подергались, как у свиньи, когда ее только убьют. Потом море снова медленно, тяжело вздохнуло, вскипело над глыбой белой розовой пеной; а когда оно снова отхлынуло, Хрюши уже не было.
75. Ральф стоял на коленках среди теней, и сердце у него сжималось от одиночества. Ну да, они дикари, и пусть, но как-никак они — люди. А тут кругом залегли ночные дремучие страхи.
76. Снова небо забрызгали звезды. Эрик истоиво тряс головой: — Ральф, послушай. Ты не ищи тут смысла. Этого ничего уже нет... — И не ломай ты голову из-за Вождя... — Лучше тебе уйти.
77. Что делать, что делать? На дерево? Прорваться, как тот кабан? Нет, и то и другое — ужас.
78. Как тут поступить разумно?
79. И, стоя среди них, грязный, косматый, с неутертым носом, Ральф рыдал над прежней невинностью, над тем, как темна человеческая душа, над тем, как переворачивался тогда на лету верный мудрый друг по прозвищу Хрюша.
80. — Казалось бы, — офицер прикидывал предстоящие хлопоты, розыски, — казалось бы, английские мальчики — вы ведь все англичане, не так ли? — могли выглядеть и попристойней...

Конец текста